

ВОСПОМИНАНИЯ

ПАМЯТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Ю. И. Палецкис

Новый, 1943 год я, будучи заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР, встречал в Куйбышеве. Из Москвы приехал мой сын Вильнюс-Витаутас, работавший в ЦК комсомола Литвы. Это была первая для меня после 1939 г. новогодняя встреча в кругу своей семьи: в канун 1940 г. я находился в изгнании в Риге; в канун 1941 г. — на общественных встречах в Каунасском драматическом театре, в Доме профсоюзов и в Доме Красной Армии; в канун 1942 г. — в Саратове, по мобилизационным делам для Литовской дивизии Красной Армии. Продолжение встречи Нового года проходило в квартире уполномоченного СНК Литовской ССР по Куйбышевской области М. Юнчаса-Кучинскаса. Здесь я ближе познакомился с архитектором И. Кумписом, который в 1915 г. уехал из Литвы и долго жил в Петрограде и затем — в других русских городах. Он собирался вернуться в Литовскую ССР в 1941 г., но помешала война. Мыслями мы были в родной Литве. Как там, под пятой гитлеровских оккупантов, встречает Новый год литовский народ? Как отмечают Новый год наши партизаны? Мы не сомневались, что вскоре наступит день освобождения, и хотели надеяться, что это произойдет уже в 1943 году.

Утром 2 января Совинформбюро сообщило: наши войска освободили Великие Луки. Сделан еще один крупный шаг по направлению к Советской Прибалтике. В тот же день мой сын Вильнюс-Витаутас возвратился в Москву, ибо должен был явиться к военному комиссару как призывник 1943 года. Возможно, и ему доведется сражаться за родной край...

По предложению литовцев, эвакуированных в Куйбышев, начался сбор средств на постройку эскадрильи самолетов «Советская Литва». Эвакуированные граждане Советской Литвы собрали тогда 1,025 млн. рублей. Об этом сообщалось в опубликованном в газетах рапорте руководства Литовской ССР, а также в ответной благодарности за подписью Председателя ГКО. В Куйбышеве же я встретился с польскими товарищами которые были родом из Вильнюса, в частности с депутатом Верховного Совета Литовской ССР С. Ендриховским. Они вели пропагандистскую работу, организовали передачи из Куйбышева на польском языке, редактировали польские издания. Мы говорили о злостной политике польских реакционных эмигрантов, которых ничему не научили трагические события сентября 1939 года. Реакционеры по-прежнему открыто выражали притязания не только на Вильнюс, но и на всю Литву, как и на земли Западной Белоруссии и Западной Украины. В то время как следовало сосредоточить все усилия для помощи удару на главном направлении советско-германского фронта, от которого зависело и освобождение Польши, реакционное эмигрантское правительство и командующий его армией генерал Андерс решили избрать другой путь. Организованные на территории СССР польские войсковые соединения они уводили в Иран, отказавшись использовать их на советско-германском фронте.

— Далеко не все поляки уйдут с Андерсом, — говорил С. Ендриховский. — Реакционеры стремятся на запад, а прогрессивные люди остаются в Советском Союзе, ибо понимают, что освобождение Польши придет отсюда, с востока. Только в дружбе с народами Советского Союза возможно спасение Польши и ее возрождение на новых основах...

Вернувшись в Москву, я приступил к очередным делам. Помню заседание, на котором обсуждался вопрос о кандидатах на соискание Государственной премии в области литературы. Из литовских писателей были выдвинуты С. Нерис и П. Цвирка. Я пред-

ложил добавить кандидатуру поэта Л. Гиры, принимая во внимание его большие заслуги в развитии литовской поэзии за долгое время, а также создание боевых патристических произведений в военные годы. Это предложение было принято. Тогда же я обобщил результаты своих поездок в Уфу, Чкалов и Челябинск в отчете ЦК Компартии Литвы и СНК Литовской ССР и внес ряд предложений об активизации работы среди эвакуированных из Литовской ССР граждан, о подготовке к возвращению и к восстановлению республики после освобождения от вражеской оккупации. А в ночь на 3 февраля из передачи «В последний час» по радио я услышал весть, которая принесла неопишущую радость всему прогрессивному человечеству и повергла в уныние гитлеровцев и их приспешников. То было сообщение о великой победе под Сталинградом, о капитуляции окруженной армии Паулюса. Начался решительный перелом в ходе войны.

В феврале 1943 г. вместе с Ю. Григалавичюсом и В. Вазалинскасом я направился в Иваново по случаю выпуска курсантов Подольского военного училища, которое тогда там находилось. Ехали мы вместе с латвийской делегацией, в которую входили А. Я. Пельше, Ф. Ю. Деглавс и полковой комиссар Кусинс. Осмотрели военное училище, которым руководил полковник В. А. Апакидзе, затем присутствовали на экзаменах курсантов. Во время торжественного собрания с радостью узнали об успехах соотечественников: литовская курсантская группа завоевала переходящее Красное знамя. Из 127 литовцев почти все окончили училище в звании лейтенанта. Было приятно поздравить выпускников и пожелать им успехов в борьбе против злейшего врага наших народов. Во время товарищеского ужина я беседовал с только что произведенными офицерами, литовцами и латышами, и тогда же познакомился с секретарем Ивановского горкома ВКП(б) Б. А. Борисовым, который совсем недавно как секретарь Севастопольского горкома партии был одним из руководителей героической обороны Севастополя. В те месяцы в Иваново работало большинство эвакуированных деятелей искусства Советской Литвы. Мы посетили выставку латышских художников и побывали на вечере латышского ансамбля, слушали выступление хора и солистов, а также одноактную оперу «Рута».

После возвращения из Иваново я вместе с предсовнаркомом Лит. ССР М. Гедвиласом, секретарем ЦК КП Литвы К. Прейшасом, генералом В. Виткаускасом и другими принимал участие в передаче эскадрильи «Советская Литва» 146-му полку истребительной авиации. В своем выступлении я выразил пожелание, чтобы эскадрилья была врага именно в небе Литвы. Заместитель командира полка майор В. Н. Буянов от имени летчиков обещал выполнить этот наказ. Мы обошли выстроенные в ряд самолеты «Як-7». На каждом красовались надписи по-литовски и по-русски: «Советская Литва».

В начале марта мне довелось участвовать в заседании СНК нашей республики. Обсуждался вопрос о перспективах восстановления и развития сельского хозяйства после освобождения Литвы. Среди эвакуированных был ряд хороших специалистов сельского хозяйства, в том числе назначенный наркомом земледелия В. Вазалинскас, нарком мясо-молочной промышленности И. Лауринайтис, специалист по животноводству Р. Жебенка, профессор И. Крицюнас. Как на заседании, так и в разговорах между собой мы пришли к выводу, что основой сельского хозяйства республики должно стать животноводство, имеющее в Литве большие перспективы развития и важное для экономики всей страны. Затем в ЦК КП Литвы состоялось совещание по ряду поднятых мною вопросов пропаганды. Между прочим, немало дискуссий вызывала проблема оценки культурного наследия. Говорили о необходимости издания произведений К. Донелайтиса на русском языке, об активизации работы эвакуированных художников.

Много внимания пришлось уделить контрпропаганде. Дело в том, что после поражения под Сталинградом гитлеровцы предприняли попытку провести «тотальную мобилизацию» на территории Литовской ССР. Еще ранее они не раз пытались призывать «добровольцев» или просто насильно мобилизовывать литовскую молодежь в свою армию, но всегда встречали упорное сопротивление. Только некоторые лица из круга ярых реакционеров и гитлеровских приспешников, а также кое-кто из запуганных угрозами или обманутых людей пошли на службу в транспортные батальоны и полицейские отряды. В связи с объявленной теперь «тотальной мобилизацией» мы дол-

жны были использовать все средства пропаганды для срыва этой попытки: выступали по радио, писали о том в листовках, а также в газетах, которые доставлялись самолетами через линию фронта и распространялись затем партизанами в Литве. Поскольку партизанское движение расширилось и установилась постоянная связь с территорией Литовской ССР, стало известно, что наше слово доходит до широких слоев населения. Несмотря на преследования, многие слушали радио и передавали друг другу новости из Москвы. Партизанские отряды вели не только вооруженную борьбу, но и активную пропаганду. Распространялись материалы, получаемые из Москвы, а более крупные соединения имели свои типографии, где печатали листовки и газеты.

Тем временем в Москве налаживалось издание литовских книг, сборников стихов, рассказов, а также брошюр политического содержания. Все большую активность проявляли литовские писатели, находившиеся в Москве или в Литовской дивизии. В 1942 г. была издана небольшая антология поэзии «Живая Литва» на литовском и русском языках. К русскому изданию я написал предисловие, в котором отмечал: «Среди активных борцов мы видим целый ряд литовских писателей и поэтов. Они продолжают славные традиции тех лучших представителей литовской литературы, которые стояли в центре прогрессивной борьбы литовского народа против крепостничества, против царизма, против иноземных захватчиков, против фашизма... Великая Отечественная война открыла новую страницу борьбы литовского народа против его заклятого врага — немецких захватчиков... Вместе с другими советскими поэтами литовские поэты обратили свое творческое оружие на служение главной задаче — разгрому гитлеризма. Их стихи стали боевыми песнями, взывающими к ненависти и мести злобному врагу...» Вышла также книга сказок П. Цвирки «Серебряная пуля» — произведений очень актуальных. Каждая из них, словно пуля, была нацелена своим острием против гитлеровских захватчиков.

Союз писателей СССР организовал вечер, посвященный обсуждению этих двух книг. Вечер открыл П. Г. Скобьрев, председательствовал А. Д. Деев. В докладе об антологии «Живая Литва» поэт И. П. Уткин заявил: «Пора уже на литовских поэтов смотреть не как на гостей, но как на своих и подходить к ним с профессиональной точки зрения». Издание антологии «Живая Литва» он назвал первым тесным, причем приятным, знакомством с современной литовской поэзией, которой дал высокую оценку. Как своеобразное, боевое и интересное художественное произведение была охарактеризована в выступлениях и книга И. Цвирки. Вскоре в Москву приехала известная поэтесса С. Нерис, довольно долго жившая в Уфе. «У вас, вероятно, за это время накопилось много чувств и дум, — встретив Саломею, сказал я ей после первых приветствий. — Хорошо было бы отметить ваш приезд стихотворением». А через несколько дней она показала только что написанное ею стихотворение о Москве. Вот его первая и последняя строфы (в переводе Дм. Бедрина):

Мои глаза застлали счастья слезы:
Враг подходил к тебе, но ты жива.
Так здравствуй, здравствуй, вынесшая грозы,
Подтянутая, крепкая Москва...

Ты ласково, тепло, как мать родная,
Встречаешь и приветствуешь меня.
Так пусть же вечно над тобой сияют,
Москва, лучи безоблачного дня.

Этот перевод был опубликован в газете «Правда». Так начался новый период в творчестве С. Нерис, очень продуктивный. Через некоторое время она вместе с переводчицей М. Петровых подготовила к изданию на русском языке сборник «Сквозь повист пуль». Затем вышел в свет ее литовский сборник «Ной, сердце, о жизни».

Активно работали также писатель и поэт А. Венцлова, написавший несколько книг, и наш «старейшина поэтов» Л. Гира. Боевые стихотворения начал публиковать во время войны К. Корсакас, более известный ранее как критик. Настоящим летописцем Литовской дивизии стал писатель Й. Марцинкявичюс. Вышли два сборника рассказов Ю. Балтушиса. В периодических изданиях помещались стихотворения молодых поэтов Э. Межелайтиса, В. Мозуриюнаса, В. Реймериса и других, рассказы Й. Шимкуса, Ю. Банайтиса. Вышел в свет сборник «Вековая ненависть». Здесь в выдержках из известных произведений литовской литературы была отражена борьба литов-

ского народа против германских захватчиков от средних веков до наших дней. На литовском языке появился перевод произведений русских и других советских писателей.

В ходе пропагандистско-публицистической деятельности я много сотрудничал с Совинформбюро, которым руководил С. А. Лозовский. Вопросами, связанными с Советской Прибалтикой, в Совинформбюро занималась энергичная журналистка Э. Тэумин. Она заказывала для различных изданий статьи нашим писателям, журналистам, государственным деятелям, военным работникам. Мне довелось быть тогда одним из активнейших авторов по Прибалтике. Весьма часто приходилось полемизировать с некоторыми зарубежными изданиями. Так, я готовил проект ответа на клеветнические антисоветские выпады американской газеты «New York Herald Tribune» и английской газеты «Manchester Guardian», а также многих других, не говоря уже о реакционных литовских газетах, выходивших за рубежом. Несколько раз С. А. Лозовский приглашал меня на совещание актива Совинформбюро и часто советовался по вопросам улучшения нашей пропаганды и контрпропаганды.

Поскольку в ходе войны уже наметился перелом и наши войска одерживали все новые победы, было ясно, что не за горами то время, когда придется восстанавливать жизнь в освобожденной Советской Литве. Центральный Комитет партии и правительство нашей республики заботились о подготовке необходимых кадров. В Шуе были открыты специальные курсы советских работников. В Переславль-Залесском создавался Литовский ансамбль песни и танца. В нем вскоре закипела жизнь, были организованы хор, эстрадный оркестр и танцевальный коллектив. Приехавший туда писатель А. Грицюс готовил сценарий монтажей и постановок, которые сценически оформляла артистка К. Кимантайте. Поэт В. Реймерис писал стихи и песни, композитор А. Клеинчикс организовал камерный оркестр. Важным подспорьем для ансамбля стали оперная солистка А. Сташкевичюте, солист Р. Мариёшюс, артистка Л. Купстайте. Члены правительства Литовской ССР не раз приезжали в Переславль-Залесский, знакомились с ходом работы по созданию ансамбля, а заодно осматривали старинный русский город с множеством церквей, известный как колыбель русского флота. Городок лежит у озера, на котором юный Петр I плавал на своем первом парусном ботике.

Как председатель соответствующей комиссии я занимался тогда подготовкой к трехлетней годовщине Советской Литвы. Поскольку годовщины всех трех прибалтийских советских республик совпадали, во время войны их отмечали совместным торжественным заседанием. Наряду с другими делами, я готовил воззвание к литовскому народу, а окончательно отредактировал его вместе с редактором газеты «Tiesa» В. Нюнкой. Затем написал проект воззвания к народам республик Прибалтики, которое предполагалось принять на торжественном заседании. Когда в июне был объявлен Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении поэта Л. Гиры орденом Трудового Красного Знамени в связи с 40-летием его литературной деятельности, я на чествовании поэта в постпредстве Литвы по поручению ЦК партии и правительства Литовской ССР поздравил юбиляра, отметив его заслуги как выдающегося литературного и общественного деятеля, со всей страстностью включившегося в борьбу против фашистов. Напомнил и о популярных среди воинов Литовской дивизии его песнях, особенно «Дуют ветры от Урала и снега метут, время мщениа настало, мстители идут». Л. Гиру поздравляли коллеги из братских республик. На следующий день в Свердловском зале Московского Кремля я вручал правительственные награды. Среди 212 награжденных лиц были, в частности, Л. Гира и известный писатель Ф. Гладков. Все наблюдали трогательную картину того, как маститые писатели помогали друг другу прикалывать только что полученные ими ордена.

Последним из освобожденных Литовской дивизией в ходе тогдашнего наступления Красной Армии пунктом было село Литва. Это название звучало символично, однако сама Литовская ССР была еще далеко. Освобождение села Литва стало темой ряда очерков, а солдат и молодой поэт Э. Межелайтис написал об этой «досрочной» встрече с родиной стихотворение. В том же духе писал о событии и И. Эренбург, ярко, выпукло и образно отметивший подвиги литовских воинов — лейтенанта В. Каволюнаса, сержантов М. Золотаса и Рагуцкаса, пулеметчика Х. Цоффе, замученного гитлеровцами связиста В. Яценявичюса, которому посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Знаменательным был день 21 июля 1943 года, в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание, посвященное трехлетию советских республик Литвы, Латвии и Эстонии. В президиуме, кроме партийно-правительственных руководителей и представителей этих республик, сидели секретари ЦК ВКП(б) А. А. Андреев и А. С. Щербаков, представители других братских республик. Открывая заседание, я произнес вступительную речь; затем председательствовали попеременно мои коллеги из Эстонской ССР и Латвийской ССР И. Варес и А. Кирхенштейн. Во всех выступлениях высказывалась твердая уверенность, что следующую годовщину народы Советской Прибалтики смогут отпраздновать на своей освобожденной от захватчиков земле. В связи с этим же праздником я выступил по радио с речью, обращенной к американским литовцам. Прогрессивные американские литовцы не только морально, но и материально поддерживали нас в борьбе за освобождение родины. Кроме пожертвований в фонд помощи СССР, они делали взносы в специальный фонд помощи Советской Литве. Со своей стороны, мы поддерживали активную связь с прогрессивными американскими литовскими организациями и газетами. Наши журналисты и писатели, а особенно часто Й. Шимкус и Й. Марцинкявичюс, посылали статьи и корреспонденции в эти газеты. Я тоже много писал для этих газет.

В конце июля в Куйбышеве посетил училище ФЗО, в котором училось 106 литовских юношей и девушек. Как раз накануне моего возвращения — 5 августа — наши войска освободили города Орел и Белгород. В честь этого был произведен первый в Москве салют 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий. Приехал в Москву и сын Вильнюс-Витаутас, солдат Красной Армии. Находясь в распоряжении Литовского штаба партизанского движения, он был командирован в прифронтовую полосу, где располагался центр партизанского снабжения, и стал специалистом парашютного дела — инструктором отправляемых за линию фронта партизан. А 23 августа вся Москва наблюдала салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий, произведенный в честь освобождения Харькова. Над Кремлем взвились букеты разноцветных ракет, люди на улицах ликовали. Под впечатлением этого волнующего зрелища я написал стихотворение «Салют Победы», помещенное в газете «Правда». В нем были такие строчки (перевод М. Зенкевича):

Разбив врага и сбросивши оковы,
И ты в салютах прогремишь, Литва!
Ты будешь праздновать свой Грюнвальд новый,
И просияет радостно Москва.

Настоящим праздником в те дни стали для нас гастроли Литовского ансамбля песни и танца. Был показан монтаж «С восточной сторонки солнышко встало», выступили хор, танцевальная группа, оркестр народных инструментов и джаз. Эти дни я проводил на совещании с молодыми литовскими писателями. Проходило оно на лужайке в расположении Литовской дивизии и носило характер товарищеской беседы, в которую активно включались многие присутствовавшие. Говорили, в частности, о более активном участии в деятельности советской печати и о подготовке материалов для изданий литовцев, проживающих в Америке. Я проинформировал собравшихся о том, что выходит в свет литературный сборник «На поле боя» и готовится сборник военной лирики Э. Межелайтиса. Несколько едва лишь начавших свой путь в литературе молодых советских литовских авторов погибли тогда на полях сражений — Б. Кирстукас, И. Битайтис, Ш. Йохелис, М. Глухас. Мы почтили их память. Вскоре отдал жизнь за Советскую Литву и В. Валайтис...

По возвращении в Москву я был привлечен к редактированию перевода «Манифеста Коммунистической партии» на литовский язык. Этот замечательный документ марксизма был издан впервые на литовском языке в 1904 г., а мы работали над уточнением текста последнего перевода, вышедшего в 1941 году. Неоднократно приходилось в те же памятные дни вручать в Кремле награды советским воинам, ученым, общественным деятелям. А в один из октябрьских дней вместе с секретарем ЦК КП Литвы К. Прейкшасом мы побывали на вечере Союза польских патриотов в Центральном доме Красной Армии, где встретились с писательницей Вандой Василевской. Она рассказывала о первых сражениях Польской дивизии под селом Ленино в Могилевской области, с гордостью говорила о стойкости и отваге воинов дивизии и с грустью вспоминала погибших в боях. После того, как в конце октября мне довелось

выступить по всесоюзному радио с речью о 25-лети ВЛКСМ, заведующий радиопередачами Политуправления Красной Армии предложил мне подготовить выступление для красноармейцев в связи с приближавшимися Октябрьскими праздниками. В его основу мы решили положить тему о дружбе народов Советского Союза. Дальнейшая работа привела к написанию брошюры «Дружба народов СССР в Отечественной войне», которую издали на литовском языке в 1944 году. Затем наступил Октябрьский праздник 1943 года. Прекрасным подарком к нему явилось освобождение Киева. Салют по этому случаю стал поистине увертюрой самого праздника.

В январе 1944 г. была созвана сессия Верховного Совета СССР, после которой вместе с секретарем ЦК КП Литвы А. Снечкусом мы уехали на партизанскую базу в Старой Тороне. Эти места недавно освободили от гитлеровских захватчиков. По дороге встречались группы демобилизованных литовцев, направлявшиеся на курсы кадровиков или на прифронтовые работы. На базе партизанского снабжения мы беседовали с группами товарищей, уже подготовленных для переброски в Литовскую ССР.

Переброска партизан производилась самолетами. Одно время с этой целью использовали планеры, но такой способ оказался ненадежным, и группа партизан, возглавленная С. С. Сирусом, погибла. Другой планер при посадке ударился о дерево, несколько человек было ранено. Депутата Верховного Совета СССР Я. Наркевичюте, тяжело контуженную, самолетом перевезли в Москву, а Г. Зиманас вывихнул ногу. Вскоре он, правда, поправился и начал активно действовать как один из руководителей партизанского движения и как секретарь Южного обкома КП Литвы. Секретарем Северного обкома КП Литвы был переправившийся через линию фронта М. Шумаускас. Ожидавшие своей отправки партизаны знали о предстоявшей тяжелой борьбе и о гибели многих товарищей, однако стремились поскорее попасть в тыл врага и присоединиться к борцам с гитлеровцами.

Возвращаясь из поездки, мы заехали в редакцию газеты «Uz Taribu Lietuva» («За Советскую Литву»). Она издавалась при Политотделе 2-го Прибалтийского фронта, откуда удобнее было доставлять ее самолетами в Литовскую ССР. Вместе с редактором Б. Фогелявичюсом посетили руководство политотдела, где совещались о более оперативной доставке газеты через линию фронта. Побывали также в редакции газеты 2-го Прибалтийского фронта «Суворовец». Затем вернулись на партизанскую базу в Старой Тороне. Здесь состоялось собрание работников базы и готовых к отлету партизан. Я рассказал о сессии Верховного Совета СССР, а А. Снечкус провел беседу по текущим вопросам политики и о положении в Литве. Непринужденная беседа продлилась довольно долго. Уже в землянке мы делились своими впечатлениями о встрече, и тов. Снечкус рассказал, как он едва не погиб при своей первой поездке на этот участок фронта. Немцы были только что выбиты из-под Невеля. Вместе с товарищами он остановился в хорошо оборудованной землянке и, спокойно переночевав, уехал дальше, а вскоре после его отъезда землянка взорвалась: гитлеровцы оставили там мину замедленного действия.

На следующий день мы прощались с работниками базы. Уезжая, я еще раз взглянул на оставшихся товарищей. Среди них был и мой сын. В Москве я принялся за свои обычные дела. По-прежнему часто приходилось вручать правительственные награды в Свердловском зале Кремля, а также в госпиталях, а однажды вручал орден Ленина прямо на квартире академику А. И. Баху. Этому выдающемуся советскому ученому, старому революционеру было тогда 87 лет, но он еще продолжал напряженно работать. По поручению лекционного бюро Комитета по делам высшей школы я прочитал 25 марта 1944 г. в Колонном зале Дома союзов лекцию на тему о борьбе народов Прибалтики с немецкими захватчиками. Эта лекция, дополненная и переработанная, была издана в виде брошюры на русском и литовском языках. Вообще мне неоднократно приходилось выступать в различных организациях, клубах и научных учреждениях, а также писать статьи для журнала «Война и рабочий класс». Между прочим, я опубликовал там критическую рецензию на брошюру польского генерала Желиговского, который пытался оправдать произведенный им в 1920 г. захват Вильнюса.

В марте исполнилось 25-летие избрания М. И. Калинина на пост главы высшего органа Советской власти. Вместе с А. Кирхенштейном и И. Варесом мы посетили юбиляра, поздравив его. В Президиуме Верховного Совета СССР состоялось официаль-

ное чествование нашего дорогого «всесоюзного старосты». Примерно в те же дни было принято решение о награждении большой группы партизан. Эту отрядную новость передавали по радио поздно ночью, и мы слушали, в частности, Указ о присвоении звания Героя Советского Союза доблестной литовской партизанке М. Мельникайте. Такое высокое звание присваивалось литовскому партизану впервые. Славная дочь трудового народа, Марите, эвакуировавшись из города Зарасай в глубь СССР, рвалась на борьбу с врагом. С группой партизан ее переправили в Литву. Молодая комсомолка действовала отважно, успешно выполняла боевые задания, уничтожая гитлеровцев. Однажды, окруженная врагами и отстреливаясь до последнего патрона, она попала в плен. В подвалах местечка Дукшtas гестаповцы ее пытали, однако стойкая партизанка не выдала товарищей. Перед казнью юная патриотка бросила в лицо врагам пламенные слова: «Я умираю за свободную Советскую Литву, а чего вы здесь ищете, гитлеровские псы?»

В период войны я много времени уделял публицистике, писал статьи, очерки, брошюры. Еще в Куйбышеве начал стихотворение «Абас Алеев». Сюжет о расстрелянном белогвардейцами во время гражданской войны борце за Советскую власть навеяла мне памятная надпись с его именем на одном из зданий Куйбышева. В апреле написал также рифмованный фельетон «Сети гитлеровской лжи» и стихотворение «Земля богатырей». В нем говорилось, что Родина в горниле войны, как бы просеивая жито через сито, отделяет доброе зерно от плевел и проверяет, кто трудится для ее блага, а кто заботится лишь о себе. Среди других очередных работ мне пришлось редактировать статью Й. Шимкуса о бывшем буржуазном президенте Литвы, фашистскововавшем диктаторе А. Сметоне в связи с некрологом, помещенным в американской газете «New York Times». В трехэтажном деревянном доме в Кливленде январским утром 1944 г. в котельной что-то загорелось, и начался пожар. Сметона, спускаясь по лестнице, вспомнил, что в комнате осталась его шуба, и побегал за ней. Когда он возвращался, лестница была объята дымом. Закутавшись в шубу, он сошел вниз, и его отвезли в больницу, где он умер от последствий удушья, сам себя наказав за свою жадность.

В середине апреля в Свердловском зале Кремля наряду с другими я вручил правительственные награды некоторым руководителям литовского партизанского движения. От имени награжденных с ответной речью выступил прибывший из подполья по ту сторону фронта командир партизанского отряда «Жальгирис» («Грюнвальд») А. Зайцас, тогда известный под псевдонимом Ежерскис. А вот наступил и радостный весенний Первомай. О чем бы ни говорили, все возвращались в разговоре к победам на фронте и близкому освобождению Советской Литвы. Но, чем ближе казался заветный день возвращения, тем с большим нетерпением ждали его. Волновали вести из Литвы о мобилизации людей в так называемый Литовский отряд генерала Плехавичюса. Мы обсуждали вопрос об усилении нашей контрпропаганды, чтобы предостеречь литовскую молодежь от нового гитлеровского обмана. Через четыре дня мы отправлялись в Иваново на выпуск курсантов Подольского военного училища. Начальник училища полковник Апакидзе огласил приказ о присвоении 101 курсанту командирских званий. Я их поздравил, отметив, что это уже второй успешный выпуск литовцев-офицеров в данном училище.

Еще до начала концерта ко мне подошла сотрудница обкома и сообщила: «Только что звонил секретарь ЦК КП Литвы товарищ Гридин и предложил вам немедленно вернуться в Москву. Нужно сейчас же ехать на вокзал, ибо через час уходит поезд». На следующий день поезд прибыл на Ярославский вокзал, и я сразу же поехал в ЦК КП Литвы, который находился в здании Института государства и права АН СССР на улице Фрунзе. Там мне сообщили о гибели моего сына Вильнюса-Витаутаса... То была одна из миллионов личных трагедий тяжелого военного времени. Редкая семья не переживала тогда горя. А жизнь шла своим чередом, и борьба продолжалась. После похорон сына, остро ощущая все случившееся, я работал с полным напряжением, выступал по радио, писал статью «Долой гитлеровскую мобилизацию», читал лекции о борьбе народов Прибалтики, писал статью для газеты «Правда»...

Вопросы партизанского движения в Литовской ССР как часть активной борьбы литовского народа против гитлеровских захватчиков требовали постоянной заботы со стороны руководства республики. Уместно рассказать об этом движении несколько

подробнее. Оно зародилось с первых дней Великой Отечественной войны. Сразу же после вторжения врага ЦК КП Литвы дал указание вооружить партийный актив и создавать отряды для борьбы с гитлеровскими парашютистами и буржуазно-националистической «пятой колонной». Было создано 37 боевых дружин и несколько десятков групп сопротивления (всего около 10 тыс. чел.). Примерно половина их погибла, а значительная часть оставшихся продолжала вести борьбу, которая вначале носила стихийный характер ввиду прервавшейся связи с руководством. Еще в первые месяцы войны в сводках Совинформбюро сообщалось о действиях партизанского отряда П. Сименаса в Каунасе. Этот отряд в сентябре 1941 г., уничтожив охрану, поджег воинский продовольственный склад, потопил в Немане 2 баржи с зерном, обстрелял колонну немецких солдат. В помощь партизанам еще в июле — августе 1941 г. направлялись через линию фронта группы подпольщиков.

В марте 1942 г. на самолетах были переброшены две оперативные группы, но почти все их участники погибли, в том числе возглавлявший их второй секретарь ЦК КП Литвы И. Мескупас-Адомас. Затем посылались новые группы. Установилась радиосвязь между партизанскими отрядами и ЦК КП Литвы. На этой начальной стадии движения на территории республики действовало 12 партизанских отрядов и 24 отдельные группы (всего 1 432 чел., из них 552 погибли в боях). Более активной стала борьба в тылу врага после организации в ноябре 1942 г. Литовского штаба партизанского движения во главе с А. Снечкусом как составной части Центрального штаба, возглавленного П. К. Пономаренко. Более тесным стало взаимодействие с партизанами других республик, особенно Белоруссии. Не было спокойствия от партизан не только вражеским войскам, но также немецким и голландским колонистам, которых гитлеровцы переселяли в Литву, собираясь полностью выжить из родного края местное население. К 1944 г. партизаны нанесли в Литовской ССР ряд чувствительных ударов по врагу, спасли многих граждан от угона в Германию или мобилизации в гитлеровскую армию, отняли у оккупантов немало награбленного имущества.

Помимо боевой деятельности партизанские отряды вели и пропагандистскую работу. Распространялись выходившие в Москве газеты и другая литература, издавалось около 20 подпольных газет, а также воззвания и листовки. Партизанские агитаторы созывали собрания и разъясняли населению положение на фронтах, укрепляли надежду на близкое освобождение. Партизанским движением отвлекалось немало гитлеровских войск, которые безуспешно пытались разгромить все партизанские отряды. Гитлеровцы за поддержку партизан много деревень сожгли, кое-где со всеми жителями, например, всем известное теперь село Пирчюпис (неподалеку от Вильнюса), чья трагедия отмечена ныне величественным мемориальным сооружением. Однако ни террор, ни угрозы не смогли помешать активизации борьбы. Партизаны наладили разведывательную работу, а 67 отрядов непосредственно включились в операции по освобождению Литвы совместно с наступавшей Красной Армией.

Всего в 1941—1944 гг. в Литве действовали 92 партизанских отряда или отдельные группы. В них входило более 10 тыс. человек. В боях погибло около 1 400 партизан, свыше 1 800 награждено орденами и медалями. Звание Героя Советского Союза было присвоено коммунистам С. Апивале, Ю. Витасу, и Б. Урбонавичусу, комсомольцам Ю. Алексонису, Г. Борису, М. Мельникайте и А. Чепонису. Постоянную информацию о жизни в оккупированной Литве и о настроениях народа мы получали от руководителей партизанских отрядов. Эту картину дополняли рассказы партизан, командированных в Москву, а также лиц, перешедших на сторону Красной Армии, ранее же служивших в гитлеровских транспортных отрядах. Получали мы и газеты, выходившие на оккупированной врагом территории. Из всех данных постепенно выяснялось, что гитлеровцы теряют опору даже в тех кругах буржуазных националистов, которые их приветствовали как «освободителей» в июне 1941 года. Берлин открыто заявлял, что литовскому народу не будет места в «новой Европе». Со злобещей откровенностью орган эзасовцев «Das schwarze Korps» писал, что судьба малых народов — это судьба капли воды, падающей на раскаленный камень. Немецкие переселенцы хлынули в Литву вслед за гитлеровской армией и начали систематическую колонизацию ее районов.

В отместку за бойкот литовцами мобилизационных приказов немцы закрыли все литовские высшие школы. Они арестовали и сослали в лагеря смерти многих видных

представителей литовской интеллигенции. Те из них, в ком сохранилась хоть какая-то доля порядочности, не говоря уже о широких массах трудящихся и сознательных антифашистов, были резко настроены против оккупантов. Характерными стали сообщения из партизанских отрядов: учащаются случаи, когда литовские полицейские избегают препятствовать партизанам в их борьбе против немцев, а кое-где даже помогают или предупреждают об опасности. Особенно удивило нас известие о встречах и контактах с партизанами бывшего министра обороны в буржуазном правительстве Т. Даукантаса. Нужно, однако, учитывать, что дальнейшее падение престижа гитлеровцев происходило в первую очередь вследствие блестящих побед Красной Армии, предвещавших неизбежный крах «третьего рейха». Верными гитлеровцам оставались в этой обстановке в основном лишь те буржуазные националисты, которые уже заняли себя участием в кровавых преступлениях и предательской деятельности.

Во второй половине июня мы могли порадоваться новому провалу гитлеровцев в Литве. Поступили известия о том, что перестали существовать так называемые «литовские отряды», которые с таким трудом сколачивал небезызвестный головорез генерал П. Плехавичюс. Когда немцы приказали им отправиться на фронт, отряды Плехавичюса отказались подчиниться. Не послушались они и приказа сложить оружие. Произошло разоружение силой, причем имели место серьезные стычки. Организаторы сопротивления были арестованы, более сотни их расстреляно, солдаты разошлись по домам. В июне же началось новое большое наступление войск всех трех Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов. Уже в первые дни наступления линия обороны противника была прорвана, и наши армии устремились к Минску и Вильнюсу. Пришло время и нам складывать пожитки. «Довольно быть эвакуированными, — весело говорил А. Снечук, когда я зашел в ЦК КП Литвы 1 июля 1944 года. — Наши войска уже в 70 километрах от границы Литовской республики. Нужно срочно подготовить воззвание в связи с предстоящим восстановлением там Советской власти». «Ну, это будет самая приятная работа, — ответил я. — Три года ждали мы этого дня!»

Начались недели, полные новой работы и новых забот. Мы совещались о посылке оперативных групп для восстановления органов Советской власти сразу же по мере продвижения наступающей Красной Армии, составляли инструкции, писали воззвания к литовскому народу, коллективно редактировали их. Нам звонили из редакций газет «Правда», «Известия», «Труд», «Московская правда», просили статьи в связи с началом освобождения Литвы, записывали на пленку наши выступления по радио. Пришло известие о том, что в составе войск 1-го Прибалтийского фронта Литовская дивизия с боями продвигается от Полоцка на запад. Вечером 7 июля пришел А. Снечук. Он рассказал: «В Вильнюс уже ворвались наши танки, бои идут в самом городе. Завтра мы с руководящей группой вылетаем организовывать гражданскую власть. С нами летят также писатели П. Цвирка и А. Венцлова. В телеграмме М. Шумаускас сообщил, что партизанская группа уже соединилась с Красной Армией и восстанавливает Советскую власть в районе Игналина — Мелагенай. Тебе же придется пока остаться в Москве, чтобы поддерживать накоротке связь с центральными органами страны».

На следующий день я провожал улетающих товарищей. Вечером пришло известие, что партийно-правительственная группа приземлилась около г. Борисова и на машинах направилась в сторону Минска, освобожденного 3 июля, и далее — на Вильнюс. Оставшись вместе с Н. С. Гридиным, я большую часть времени проводил теперь в ЦК КП Литвы. Мы комплектовали эшелоны партийных и советских работников, отправлявшихся в Литовскую ССР. 10 июля проводили группу из 180 человек на грузовых и легковых автомашинах. Вечером 11 июля мне позвонили из ЦК ВКП(б), поздравили с освобождением Вильнюса и предстоящим салютом. Я тотчас поделился радостной вестью с Л. Гирой и другими товарищами... Однако вот настало 22 часа, а салюта все нет. Оказывается, орудия были уже установлены, но салют отменили. Новый звонок из ЦК ВКП(б) разъяснил, что известие оказалось преждевременным: почти весь город занят, немцы тысячами сдаются в плен, но часть гарнизона еще держится в центре и на горе. Наконец, утром 13 июля пришло сообщение от Снечука и Гедвиласа: они в Вильнюсе! В тот же день по радио прозвучал приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении столицы Советской Литвы войсками 3-го Бе-

лорусского фронта под командованием генерала армии И. Д. Черняховского, и вечером над Москвой вспыхнули огни салюта.

Все газеты в эти дни уделяли много места Вильнюсу и Литовской ССР, над которой занялась заря освобождения. Рядом со статьями литовских писателей и публицистов, стихами С. Нерис и Л. Гиры помещались высказывания и поздравления наших соседей по Прибалтике, представителей братских народов. Пришел великий праздник и на нашу улицу! 14 июля я беседовал с корреспондентом «Правды», который только что вернулся из Вильнюса. Он рассказывал о больших разрушениях в городе: выжжены целые улицы, взорвана электростанция, разрушен водопровод. В день годовщины Грюнвальдской битвы, 15 июля, в Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное заседание, организованное Славянским комитетом СССР, который возглавлял генерал А. С. Гундоров. Здесь собрались представители почти всех народов, сражавшихся под Грюнвальдом против немецких рыцарей, — поляков, литовцев, русских, украинцев, белорусов, чехов. Выступая от имени литовцев, я протянул нить от Грюнвальда 1410 г. до Вильнюса 1944 г., показав, что два июля разных столетий как бы переключаются между собой. На следующий день из Вильнюса позвонил А. Снечук и предложил мне выступить с докладом на собрании, которое будет там проводиться по случаю 4-й годовщины Литовской ССР. Еще несколько месяцев тому назад мы начали в Москве подготовку к этой годовщине вместе с нашими прибалтийскими соседями. Теперь события повернулись так, что нам первыми из прибалтийцев довелось отметить этот праздник уже в своей освобожденной столице.

После освобождения Каунаса фронт продвинулся еще далее на запад и приблизился к Восточной Пруссии. Гитлеровцы пока еще удерживали северо-западную часть Литвы, мою родную Жемайтию. А вскоре мне представился случай побывать в недавно освобожденной местности, прифронтовой полосе неподалеку от старой прусской границы. В Вильнюс прибыла группа авиаторов во главе с Героем Советского Союза подполковником В. Н. Буяновым. Эта делегация от 115-й гвардейской Оршанской и 7-й гвардейской Ржевской дивизий истребительной авиации пригласила меня участвовать в празднике по случаю Дня авиации. Из Вильнюса мы долетели до Пренай. Лететь дальше на большой машине было опасно, ибо часто появлялись вражеские стервятники. Пришлось пересесть на маленькие «По-2». Летели низко, над самыми верхушками деревьев, и приземлились на небольшом пятачке, чуть ли не на огороде, едва не уткнувшись в забор хутора. Нас встретил командир истребительной авиадивизии генерал-майор авиации В. М. Забалуев, а вскоре прибыл командир истребительного авиакорпуса генерал-лейтенант авиации А. С. Благовещенский, которому я тут же вручил медаль «За оборону Ленинграда».

Прибыв в расположение дивизии, где шло торжественное заседание по случаю Дня авиации, я был приятно удивлен, когда мне показали самолет с надписью, «Тарибу Летува» («Советская Литва»), один из упоминавшихся выше 10 таких самолетов. Сейчас этот ветеран уже не летал за линию фронта, и его использовали для учебных целей. Однако пожелание, высказанное при передаче этих самолетов героям-воинам, исполнилось: самолет стоял на освобожденной литовской советской земле!..

Вернувшись в Вильнюс, я начал готовить доклад, который мне было поручено сделать на 3-й сессии Верховного Совета Литовской ССР. Когда 29 августа 1944 г. мы собрались на эту сессию, то не досчитались многих депутатов. Одни погибли в рядах Литовской дивизии, другие — в партизанах (в том числе заместитель председателя Президиума Верховного Совета республики Д. Роцюс, руководивший партизанским отрядом), третьи были убиты гитлеровцами. Сессия открылась в полутемном зале Вильнюсского горкома партии. Шум военных мотоциклов часто заглушал речи ораторов. Однако любые неудобства не могли притупить чувство радости: мы собрались в своей освобожденной столице, чтобы продолжать работу по строительству социализма.

Я выступил тогда как докладчик по первому вопросу повестки дня: «Освобождение литовских земель и дальнейшие задачи литовского народа в борьбе против немецких захватчиков». Еще во время работы над этим докладом не раз вспоминал 1940 г., когда готовился к выступлению на открытии Народного сейма. Тогда мы все чувствовали небывалый подъем и энтузиазм в связи с недавним свержением в Литве фашистской диктатуры. Дух народного единства проявился в блестящих итогах

выборов в Народный сейм. Все были полны самых радужных надежд на будущее. Теперь же мы собрались в суровое время войны, среди руин, которые окружали здание сессии. Огромные людские жертвы, неисчислимый материальный ущерб — вот результаты трехлетней жестокой и кровавой гитлеровской оккупации. Но чувство подъема, радости вследствие освобождения родной земли от врагов страны социализма переполняло нас. Хотя изощренная пропаганда фашистов и их приспешников — буржуазных националистов против Советской власти оказала тлетворное влияние на умы некоторой части населения Литовской ССР, большинство ликовало. Упорные бои еще шли неподалеку, но мы были готовы немедленно приняться за восстановление родных мест. Практическое решение одного из важнейших вопросов такого рода излагалось в докладе секретаря ЦК КП Литвы А. Снечкуса «Ликвидация последствий гитлеровской оккупации в сельском хозяйстве». Закон, принятый на основе доклада, предусматривал восстановление принципа национализации земли и порядка землеустройства, установленного земельным переустройством 1940 года. Это означало, в частности, что у кулаков и помещиков, захвативших участки новоселов, производилась конфискация незаконно захваченного.

Свет решений 3-й сессии Верховного Совета Литовской ССР проник во все уголки нашей республики. Он вызвал ликование в избах бедняков и новоселов, которых во время оккупации согнали с полученных ими при Советской власти наделов. Зато уныние царило в хозяйствах богатеев. После вторжения гитлеровцев некоторые кулаки и помещики собственноручно расстреливали новоселов, а членов их семей безжалостно выгоняли, обрекая на нищество и голод. Правда, такие лица попытались удрать вместе с гитлеровцами, но это удалось далеко не всем. Нашей опорой были трудящиеся, особенно участники Великой Отечественной войны. В Вильнюс прибывало все больше молодежи, призванной в ряды Красной Армии из освобожденной части Литвы. Много раз я посещал сборные пункты и выступал, разъясняя современное положение, стоящие перед литовским народом задачи и разоблачая лживую гитлеровскую пропаганду, с интересом беседовал с призывниками. Приятно было убедиться, что в абсолютном большинстве своем это была здоровая духом молодежь, с охотой шедшая в ряды Красной Армии.

В начале октября Красная Армия перешла в новое наступление. В сводках Совинформбюро замелькали столь знакомые мне названия жемайтских городов и селений, освобожденных от врага. Среди них был и мой родной город Тельшяй. За несколько дней была освобождена вся северо-западная часть Литвы и почти весь Клайпедский край, захваченный гитлеровцами в 1939 году. В связи со вступлением наших войск в Клайпедскую область я беседовал по телефону с членом Военного совета 1-го Прибалтийского фронта генерал-лейтенантом Д. С. Леоновым. Поскольку Клайпеда на штабных картах пока что обозначалась немецким наименованием «Мемель», я попросил в официальных правительственных сообщениях употреблять настоящее, литовское название этого города, а кроме того, высказал пожелание, чтобы в боях за освобождение Клайпеды приняла участие Литовская дивизия. Генерал обещал принять соответствующие меры. В тот же день пришло известие о переходе войсками 3-го Белорусского фронта границы Восточной Пруссии. Началось уничтожение фашистских зверей в их логове.

Я часто посещал Вильнюсский и Каунасский театры, встречаясь с артистами, режиссерами, художниками. Вскоре занавесы этих театров поднялись. Осенью в освобожденной части Литвы начались занятия в школах и в обоих университетах. Ректором Вильнюсского университета был назначен профессор З. Жемайтис, Каунасского — профессор А. Пуренас. В Вильнюсе, в здании, когда-то принадлежавшем князьям Огинским, разместился Союз писателей Литовской ССР. Война произвела резкое размежевание в их среде. Меньшая, реакционная их часть оказалась по ту сторону фронта. Остальные решили честно служить делу народа. Руководитель союза П. Цвирка много трудился для сплочения писательских рядов на социалистической идейной основе. Мне отраднее было встретить на улицах Вильнюса талантливого поэта Т. Тильвитиса, приехавшего из деревенской глуши, где он переждал оккупацию. Включились в нашу писательскую семью В. Миколайтис-Путинас, А. Венуолис, Е. Симонайтис, С. Чюрлёнене, Ю. Паукштялис, Ю. Грушас, П. Вайчюнас, Ю. Бутенас и другие товарищи, сохранившие верность Советской Родине.

Основательно познакомившись с газетами, журналами и книгами, которые выходили во время оккупации, я убедился, что антисоветская пропаганда оставила тяжелый след, и вместе с другими горячо принялся за дело контрпропаганды: написал, в частности, ряд статей с разоблачением буржуазно-националистической идеологии и предательской деятельности националистов во время оккупации. «Они толкали литовский народ в могилу» — так называлась одна из первых статей этой серии. Много материалов для разоблачения подлой деятельности националистов дало исследование гитлеровских зверств. Раскрыл свои тайны лес в окрестностях Вильнюса, называемых Панеряй (Понары). Здесь во время оккупации гитлеровцы и их приспешники уничтожили почти все еврейское население Вильнюса и расстреляли много других советских граждан. Всего там погибло около 100 тыс. человек. Когда с наступлением Красной Армии приблизилось возмездие, гитлеровцы стали поспешно заматывать следы своих преступлений. Из числа лиц, обреченных на смерть, создали специальные команды, заставляли их откапывать огромные могилы, извлекать оттуда трупы, складывать вперемежку с дровами, обливать керосином и поджигать. Как рассказывали жители близлежащих хуторов, эти костры горели несколько месяцев вплоть до освобождения Вильнюса, далеко вокруг разнося дым, гарь и трупный запах.

«Да, я не только свидетель, но и участник «огневой команды», которая занималась сожжением трупов,— рассказывал членам следственной комиссии один из бывших заключенных, К. Потанин.— Вся наша команда была здесь, в этом огромном подземном баке, сооруженном для хранения бензина. Мы работали под охраной эсэсовцев, которые вели точный учет сожженных «фигур» (так они называли трупы, откопанные из могил). Трупы тщательно осматривали, не сохранились ли в одежде какие-либо ценные вещи. Специалисты-«дактисты» проверяли зубы и вырывали найденные ими золотые коронки. И так день за днем: откапывали трупы, складывали из них костер, затем сжигали. На ночь нас отводили опять ночевать в эту яму». «Как же вам удалось спастись?» «Не было сомнения, что мы тоже будем превращены в трупы. С первого же дня стали думать о спасении. Решили сделать подкоп, пользуясь тем, что эсэсовцы к нам на дно бака никогда не спускались. Мы вырыли глубокий и длинный туннель, и одной ночью удалось выбраться из ямы. Однако эсэсовцы скоро обнаружили побег и стали нас преследовать и обстреливать. Из убежавших спаслось только несколько человек».

Потанин водил нас по Панеряйскому лесу. Здесь была детская яма. Оттуда извлекали только трупы маленьких детей. Хотя гитлеровцы стремились испепелить даже мельчайшие кости или рассеять их, все-таки во многих местах обнаруживались остатки костей, человеческие зубы, куски истлевшей материи, монеты, гребенки. «Вот еще не вскрытая могила. Ее не успели откопать до прихода Красной Армии,— указал Потанин.— А вот это — волосы Мани! Она бежала вместе с нами, но ее застрелили». Мы увидели торчащие из песка пушистые рыжие волосы. Вероятно, труп погибшей девушки был зарыт неглубоко, и ветер сдул песок. Вскоре была организована раскопка этой огромной могилы. Для работы выделили отряд пленных немецких солдат. Отрытые трупы осмотрели гражданские и армейские врачи, а также представители комиссии по расследованию гитлеровских зверств. Во время этой процедуры я однажды приехал в Панеряй. То была самая страшная картина из всех, какие пришлось мне увидеть за всю мою жизнь. Множество трупов было вытащено для осмотра, а другие еще лежали в яме, уложенные правильными рядами, точно дрова. Таких рядов была масса, один над другим. Трупы еще не совсем истлели. Лаконичной была констатация причины смерти: выстрел в затылок. Около 10 тысяч трупов оказались в этой могиле. Кто же были эти люди? Найденные при трупах документы свидетельствовали: рабочие, ремесленники, учащиеся, студенты, учителя, врачи...

После освобождения Каунаса такое же расследование было проведено у IX форта Каунасской крепости. Гитлеровцы и там постарались замести следы преступлений, сжигали трупы, а потом расстреливали самих сжигателей, так что никому не удалось спастись. Надписи на стенах казематов свидетельствовали о том, что там содержали обреченных на смерть не только из Литовской ССР, но и из Франции, Бельгии, Голландии. Комиссия по расследованию гитлеровских зверств в Литовской ССР опубликовала итоги своей работы. В отчете отмечалось, что фашисты уничтожили более 300 тыс. человек. Однако комиссия работала тогда лишь на уже освобожденной

части территории Литвы, поэтому опубликованные данные были неполными. После освобождения всей республики и более точного подсчета оказалось, что от рук гитлеровцев и их пособников только в нашей республике погибло более полумиллиона местного населения, а также около 200 тыс. военнопленных или граждан, привезенных из других стран. Всего же на литовской земле было уничтожено врагами человечества около 700 тыс. лиц разных национальностей. Море крови. Каунасские форты. Панеряйские могилы... Гнев и возмущение преступлениями гитлеровцев и их приспешников я старался выразить в своей публицистике и в стихах, одну из статей назвал «Национал-убийцы». Ряд материалов, в которых разоблачались кровавые дела фашистов, был собран мною в отдельную брошюру под заглавием «Ликвидировать влияние гитлеровской пропаганды в сознании людей».

Работая в области контрпропаганды, мне приходилось знакомиться и с выходящими в Америке литовскими реакционными газетами. Просто удивительно, до какого идиотизма, до какой слепоты доходили буржуазные писаки в своей ненависти к социализму и Советской власти. Наиболее злобно выступала газета «Nauenos», именовавшая себя органом Литовского союза социалистов Америки. Достаточно сказать, что в июне 1941 г., когда гитлеровские банды захватили Литву и залили ее потоками крови, эта газетенка восторженно называла Гитлера «освободителем» и восклицала: «Трижды ура Гитлеру!» Даже после того, как США вступили в войну с Германией, реакционные литовские газеты в Америке продолжали писать в таком же духе, как будто США воевали с СССР, а не с Германией. Они, в частности, призывали наших союзников занять Кавказ, если правительство СССР не согласится восстановить буржуазную власть в Прибалтике. Правда, голос этой реакционной своры оказывал примерно такое же влияние на ход событий, как собачий лай — на Луну. Однако симптоматично, что реакционеры пользовались в США полной свободой для отравления сознания людей. Ведь из таких разглагольствований, начиненных демагогией, гнусной ложью и клеветой, вырастали язвы шовинизма, фашизма и расизма.

Кстати, моя личность тоже стала мишенью для острых нападок реакционной печати. Каких только измышлений, каких эпитетов в мой адрес не придумывали озлобленные враги! Так, во время войны в клерикальной газете «Draugas» некий А. Рачкус доказывал, что вся моя деятельность и активность — это результат использования наркотиков и алкоголя, и красочно описывал бутылку водки, которая, мол, всегда торчала из моего кармана. В первые месяцы Великой Отечественной войны реакционные газеты в сенсационном виде преподнесли известие о моей «гибели». На основе какого-то итальянского «источника» сообщалось, что я погиб по дороге в Москву при бомбардировке. Другая версия гласила, что я схвачен немцами и расстрелян в Каунасской тюрьме. Писали также, что меня расстреляли в Москве, «в подвалах ГПУ». В одной из таких заметок бежавший за рубеж ксёндз Прунскис глубокомысленно писал: «Хотел бы я знать, с чем думал Палецкис в последние минуты своей жизни». Но назло моим недругам я оказался жив и старался со всей энергией включиться в работу, разоблачая лицемерие и гнусные дела буржуазных националистов. А вражья ненависть и хула — это ведь лучшая похвала для коммуниста.

Новый, 1945 год мы встречали в зале Президиума Верховного Совета Литовской ССР. Кроме партийных и советских руководителей республики, здесь были члены Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Это Бюро во главе с М. А. Сусловым было создано в конце 1944 г. для помощи в восстановлении республики и укреплении Советской власти. Новогодняя встреча проходила при свете каменной лампы и свечей. Осветительная сеть в городе пока еще не работала. Дизельные двигатели давали энергию лишь промышленным предприятиям. Но мы не смущались. Провозглашались тосты за последний год войны, год окончательной победы над гитлеризмом.

Знаменательным днем для литовского народа стало 28 января. В этот день наши войска освободили Клайпеду. Вместе с другими соединениями Красной Армии город штурмовала и 16-я Литовская дивизия, специально переброшенная сюда с Курземского участка фронта. Остатки гитлеровских войск бежали из Клайпеды через Куршскую косу в Кёнигсберг. Над Клайпедой взвилось советское знамя. Теперь, впервые за 700 лет, были объединены все литовские земли с Вильнюсом, Каунасом и Клайпедой. Знаменательно, что объединение произошло под эгидой Советской Литвы и с братской помощью других народов СССР.

Трагическое известие пришло 18 февраля: в Восточной Пруссии был смертельно ранен командующий 3-м Белорусским фронтом И. Д. Черняховский. На его похороны приехали в Вильнюс представители командования 3-го Белорусского фронта, в том числе генерал-лейтенант В. Е. Макаров. Из Москвы прибыл генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов. Было возложено много венков — лично от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, от ЦК ВКП(б), от Совнаркома СССР. Рядом с руководством республики у гроба стояли члены семьи И. Д. Черняховского — супруга Анастасия Георгиевна, дочь Неонила, маленький сын Олег. Выступая на траурном митинге, председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР М. А. Суслов сказал, что товарищ Черняховский был одним из тех генералов, которые образуют прославленную плеяду талантливейших руководителей Красной Армии, порожденных и выдвинутых советским строем, воспитанных славной Коммунистической партией; имя выдающегося советского командира Черняховского известно всему миру и с уважением произносится всем прогрессивным человечеством; славный боевой путь прошел товарищ Черняховский: с 18 лет он бесперывно пребывает в рядах столь любимой им Красной Армии и проходит путь от командира взвода до командующего фронтом; в лице товарища Черняховского все народы Советского Союза понесли великую утрату; особенно остро будет переживать эту утрату литовский народ, ибо с именем товарища Черняховского и руководимых им доблестных войск 3-го Белорусского фронта связано освобождение литовской земли от страшной и проклятой нацистской нечисти, непосредственно связано спасение трудящихся Литовской Советской Республики от истребления и порабощения их гитлеровскими бандитами... Над могилой полководца на одной из центральных площадей столицы Литвы был воздвигнут вскоре временный памятник обелиск. А в 1950 г. состоялось торжественное открытие памятника работы известного скульптора Н. В. Томского. Это событие я отметил следующими строками (перевод Н. Тихонова):

Сегодня памятник открыт тебе народный.
Ты славный воин был, освободитель был.
За утро вольности — привет Литвы свободной,
За то, что ада дверь фашистского разбил.

Как братства знак народов всей отчизны,
Твой памятник стоит, как вежа коммунизма.
Свидетелем борьбы навеки он пребудет,
Советской славы жар ничто нам не остудит,
Застывшей песнею звенеть он в бронзе будет!

На следующий день после похорон я был в Каунасе, на съезде членов производственной кооперации. С повышенным вниманием слушали собравшиеся выступление о политическом моменте и текущих задачах. В Каунасе посетил несколько предприятий, в том числе давно знакомые мне текстильную фабрику «Кауно аудинияй» и типографию «Спинудулис», провел совещание с работниками милиции. Дел было очень много. Редкий день проходил без каких-либо собраний, совещаний или выступлений. Очень часто ездил я на периферию — в Мариамполь, Вилкавишкис, Шакайя, Алитус, посещал фабрики, школы, учреждения. Встречи и беседы убеждали, как нужна, важна, просто необходима агитационная работа. Выступая на собраниях горожан или крестьян, я говорил иногда по четыре часа. Время от времени спрашивал: «Как, товарищи, не надоело еще слушать?» «Нет, нет, продолжайте, просим говорить!» — слышались отовсюду голоса. Действительно, слушали с огромным вниманием. Чувствовалось, что все хотят знать побольше о новой жизни, о планах Советской власти, о перспективах. Каждый раз я напоминал о страшной судьбе, которая грозила литовскому народу в случае победы гитлеровцев, приводя высказывания фашистских главарей. Ведь зарвавшиеся гитлеровские заправилы не скрывали своих человеконенавистнических планов истребления целых народов.

Большой работы требовали вопросы, связанные с укреплением Советской власти. Административное деление оставалось пока еще старое — на уезды и волости. Не хватало опытных работников для уездных партийных и советских органов. Еще более слабыми по подготовке были руководители и работники волостных Советов, в большинстве своем бедняки, часто малограмотные или даже совсем безграмотные.

Основным критерием пригодности служила преданность Советской власти. Люди, помогавшие партизанам, в первую очередь выдвигались в партийные или советские органы. Вспоминается встреча в волостном центре Пренай. Разузнав, где находится волостной Совет, зашел туда. Вижу, ходит там какой-то товарищ. Одежка плохая, вся в заплатках, сам босой. «Где председатель?» — спрашиваю. «А я и есть председатель, — ответил он. — Назначили меня председателем волостного исполнительного комитета, а что делать — ума не приложу». Так начинали многие. Чтобы активнее вовлечь население в строительство новой жизни, мы созывали уездные собрания крестьян. Они выбирали делегатов на Вселитовский крестьянский съезд. Я побывал у крестьян Мариампольского уезда, затем участвовал и в подготовке самого съезда. Мне поручили подготовить проект воззвания к крестьянам Литвы. Республиканский съезд крестьян собрался в Вильнюсе в конце марта 1945 года. В выступлении на его открытии я говорил: «Трудовые крестьяне Литвы столетиями терпели иго чужих и своих господ и помещиков, но они никогда не мирились со своим положением рабов, не раз брались за оружие». Большой доклад сделал А. Снечкус. Выступали и сами крестьяне. То были взволнованные речи людей труда, которые испытали всю тяжесть оккупации, всю бесчеловечность помещичьей и кулацкой эксплуатации и искренне радовались своему освобождению, заре новой жизни. Затем с большой речью выступил М. А. Суслов...

Вот наступило 9 Мая, день великого праздника Победы. Поздно ночью в здание Президиума Верховного Совета Литовской ССР, где я тогда жил, с радостной вестью о капитуляции фашистской Германии пришли товарищи Суслов, Снечкус, Гедвилас и другие. Мы поздравляли друг друга, обнимались. Той же ночью я написал статью, отнес ее в газету «Советская Литва», поздравил рабочих типографии с победой, и мы тут же отпраздновали это радостное событие. В статье я писал: «Наше дело правое, враг будет разбит», — сказал советский народ, когда немецкие захватчики напали на нашу Родину. И сегодня, когда наша страна и все свободолюбивое человечество переживает неопишущую, бесконечную радость победы, каждый честный человек во всем мире прежде всего радуется победе правого дела, радуется, что восторжествовала справедливость, что гитлеровские преступники расплачиваются за свои долголетние гнусные преступления... Мы славим Красную Армию, которая первой показала, что гитлеровскую армию можно победить, которая своими сокрушающими ударами ее окончательно разгромила и увенчала свой победоносный путь, водрузив знамя Победы над Берлином. Прусский милитаризм и германская реакция превратили Берлин в лабораторию смерти, в генеральный штаб уничтожения, порабощения народов Европы и всего мира. Гитлеризм был лишь самой циничной, самой неприкрытой бандитской формой германского империализма. Поэтому взятие Берлина Красной Армией и подписание в Берлине капитуляции гитлеровской Германии перед Объединенными Нациями являются самой внушительной победой прогресса над мрачнейшими силами реакции. Перед нами стоит задача добиться полного морального и политического разгрома фашизма, гитлеризма во всех его проявлениях. Литовский народ, в течение долгих лет терпевший ярмо сметоновского фашизма, перенесший ужасы гитлеровской оккупации, и в этой борьбе будет последовательным борцом, как и весь советский народ, который стремится создать устойчивый мир».